

4. Даль, В.[И.] Толковый словарь живого великорусского языка / Владимира Даля : в IV т. [2-е изд.]. – СПб. ; М. : Изд. М.О. Вольфа, 1880-1882.
5. Кайданов, И.[К.] Начертание истории Государства Российского / составленное профессором исторических наук в Императорском Царско-Сельском лицее, Императорской Академии Наук корреспондентом, статским советником и кавалером Иваном Кайдановым. – СПб. : Тип. Мед. деп. мин-ва внутр. дел, 1829. – 490 с.
6. Маловичко, С.И. Национально-государственный нарратив в структуре национальной истории долгого Девятнадцатого века / С.И. Маловичко // Диалог со временем. – 2016. – Вып. 54. – С. 83-119.
7. Маловичко, С.И. Учебная книга по русской истории в системе презентации национально-государственной истории российской империи конца XVIII – 40 гг. XIX века / С.И. Маловичко, В.Ф. Марухин // Преподаватель XXI век. – 2017. – Вып. 4. – Ч. 2. – С. 298-315.
8. Погодин [М.П.] Начертание русской истории : для гимназий / соч. проф. Погодина. [2-е изд., испр. и умнож.] – М. : Универ. тип., 1837. – 427 с.
9. Полевой, Н.[А.] Русская история для первоначального чтения / сочинение Николая Полевого : в 4 ч. – М. ; СПб. : Тип. А Семена, 1835-1841.
10. Стриттер, И.[М.] История российского государства / сочиненная статским советником и кавалером Иваном Стриттером : в 3 ч. СПб. : Тип. Ф. Брункова, 1800-1802.
11. Строев, П.М. Краткая российская история в пользу российского юношества. – М.: Тип. С. Селивановского, 1814. – 126 с.
12. Студеникин, М.Т. Становление и развитие школьного образования в России XVI – начала XIX в. / М.Т. Студеникин : монография. – М. : МПГУ, 2011. – 226 с.
13. Таппе, А.В. Сокращение Российской истории Н.М. Карамзина, в пользу юношества и учащихся Российскому языку, с знаками ударения, истолкованием труднейших слов и речений, на Немецком и Французском языках, и ссылками на грамматические правила / изданное Августом Вильгельмом Таппе, доктором богословия и философии. – СПб.; Рига: Gedrukt bei Nicolai v. Gretsches, 1819. – 388 с.
14. Устрялов, Н.[Г.] Начертание русской истории, для учебных заведений / соч. Н. Устрялова. – СПб. : Тип. Имп. Рос. Академии, 1839. – 385 с.
15. Фукс, А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – 1930-е гг.) / Фукс Александр Николаевич: автореф. дисс... д-ра ист. наук. – М.: МГОУ, 2011. – 55 с.
16. [Янкович де Мириево, Ф.И.] Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. – СПб. : при Имп. Акад. наук, 1804. – 200 с.
17. Schlözer, A.L. Vorbericht / A.L. Schlözer // Handbuch der Geschichte des Kaiserthums Rußland: vom Anfang des Statsbis zum Tode Katharinader II. – Göttingen : Ph.G. Schröder, 1802. – S. III-XVIII.

УНИВЕРСИТЕТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ МИФЫ И ДАННЫЕ ПРОСОПОГРАФИИ

С.И. Посохов (Харьков, Украина)

Историография университетов Российской империи являет собой обширное пространство различных форм диалога и представлена множеством самых разнообразных по характеру и жанру работ (публицистические, мемуарные, отчетные, собственно научные). Эти работы наполнены утверждениями, которые часто являются весьма противоречивыми, далеко не всегда аргументированными, порою строящимися на предвзятых оценках. Все эти оценки и мнения переплелись и нередко являются взаимообусловленными. Они постоянно порождают новые логические цепочки рассуждений. Впрочем, имеются и такие «постулаты», которые, кажется, являют собою общепризнанные мнения. Иногда они выступают основой для конструирования тезиса о «российском типе университета» со своими специфическими чертами (весьма ограниченная автономия, бюрократизация, роль воспитательного начала в процессе обучения и т.п.). Впрочем, в научной литературе уже достаточно давно было высказано предостережение о том, что университетская тема, где в большей, где в меньшей степени, испытала «деформации», и что истоки этих деформаций не только в объективных условиях, а и недостаточном понимании авторами предмета исследования, что начало их следует искать еще в XIX – начале XX вв. [11, с. 142]. Вот почему некоторые современные авторы считают задачей времени «преодоление идеализированного или искривленного образа университетской истории», поскольку предшествующие истории университета имели ярко выраженный идеологический подход [9, с. 369]. Но иногда отмечается, что дело не просто в конъюнктурной или идеологизированной истории, что есть опасности и более глубинные, подсознательные, когда мы наполняем минувшее современными нам смыслами и соответствующими профессиональными ценностями [3, с. 230].

До известной степени откорректировать некоторые устоявшиеся утверждения, перейти от анализа «мнений» к анализу «фактов» позволяет просопография, которая ориентирует на изучение коллективной биографии тех или иных групп людей, когда посредством анализа биографических данных, можно выявить определенные тенденции в эволюции характеристик группы, определить основные социальные типы и т.п. В том числе это касается и истории университетов Российской империи. Благодаря этому методу можно не только выявлять историографические мифы, но и попытаться осуществить их деконструкции. Приведем примеры.

Как известно, создание первых университетов в Российской империи во второй половине XVIII – начале XIX вв. в значительной мере стало возможным благодаря приглашению иностранных профессоров. Безусловно, оценить эту роль не так просто. По этому поводу уже написано несколько крупных работ, где достаточно всесторонне охарактеризованы как результаты их деятельности, так и процессы их вос-

приятия местным обществом, их социализация, формы взаимного культурного влияния и т.д.[1, 10]. Однако, по-прежнему во многих, в том числе научных работах, можно встретить утверждение о том, что большинство из иностранных профессоров уже через непродолжительное время вынуждены были покинули Россию. Как правило, поясняют этот факт неблагоприятными условиями для их жизни и деятельности. Собственно, об этом в свое время писал еще П.Н. Милоков: «Русские члены, составлявшие меньшинство совета, постоянно ставили иностранцам ловушки и запутывали их в лабиринте указов. Лучшие из иностранцев не выдержали этой борьбы и спешили уехать, чтобы не поплатиться здоровьем и силами»[5, с. 285]. В этом утверждении можно увидеть отражение историографического мифа о процессе европеизации России. Имеющаяся в нашем распоряжении База данных⁶ (которая включает сведения о 98-ми профессорах иностранного происхождения Московского, Харьковского и Казанского университетов второй половины XVIII – первой половины XIX в.) позволяет сделать ряд наблюдений и выводов.

Прежде всего, обратим внимание на абсолютное преобладание выходцев из немецких земель: 66 были уроженцами этих земель⁷. Остальные родились на территории Австрийской империи (15), Франции (6), Италии (3), других стран (4). Не случайно, и тогда, и позже речь шла о «немецкой партии» в российских университетах второй половины XVIII – первой половины XIX в. Очевидно, что именно она «задавала тон» в университетах. Безусловно, четко фиксируются две «волны» ученых иностранцев: середины – второй половины XVIII в. и начала – первой половины XIX в. Первая «волна», естественно, относится лишь к Московскому университету. Она не столь ярко выражена. Небольшой всплеск фиксируется в середине XVIII в., а затем идет медленное (один человек в год) пополнение группы иностранных профессоров. Вторая «волна» наблюдается в начале XIX в. (1804 – 1805 гг.), имеет два небольших «всплеска» в 1810 и 1829 гг. Она более мощная и затем постепенно «затухает». Важно также отметить, что в начале XIX в. многие приглашенные профессора представляли так называемые «модернизированные» немецкие университеты, а в 1820-е были выходцами из австрийских земель (что свидетельствует об определенной государственной политике). Между тремя указанными университетами иностранцы распределяются приблизительно поровну: Московский университет – 37 (36,6 %), Казанский – 35 (34,7 %), Харьковский – 29 (28,7 %)⁸. По национальному составу более пестрой выглядит корпорация Харьковского университета. Максимальное единовременное количество немецких профессоров – 41 человек по сумме трех (Московского, Харьковского, Казанского) университетов было достигнуто перед началом Отечественной войны 1812 г.

По подсчетам А.Ю. Андреева средний срок службы немецких профессоров и в Казани, и в Харькове в первой четверти XIX в. находился в пределах от 8 до 9 лет; в Москве он оказался выше (12 лет)[1, 451]. Однако, более полная База данных об иностранных профессорах в российских университетах второй половины XVIII – первой трети XIX в. позволяет уточнить эту цифру, а главное, выявить отличия в периодах: если для XVIII века срок службы в среднем составлял 9, то для XIX века – более 15 лет. Анализ биографических данных также свидетельствует о том, что из 85 иностранных преподавателей (в биографиях которых зафиксировано место смерти) – 64 (или 3/4) нашли свой последний приют именно в России. Этот факт нельзя проигнорировать.

Не менее растиражированным является тезис о попечителях учебных округов как «мракобесах», «душителях университетской свободы». Он также имеет глубокие корни. Уже влиберальной историографии конца XIX – начала XX века влияние попечителей на функционирование университетов скорее рассматривалось как негативное[2, с. 27]. Советские историки также негативно, может быть даже еще в большей степени, чем раньше, оценивали роль попечителей в истории университетов, однако чаще они просто не упоминались, их имена вычеркивались из истории. В современной научной литературе также можно встретить упоминания об их «давлении на университетский совет», о «попирании прав профессоров», «самовластных решениях», «насаждении бюрократизма» и т. п. Однако в этом случае авторы также, как правило, оперируют вневременными рассуждениями о функциях попечителей и их составе. Имеющаяся в нашем распоряжении База данных о попечителях Харьковского учебного округа и сопоставление полученных выводов с биографической информацией о попечителях других учебных округов позволяют внести коррективы и в эти рассуждения.

Так, за всю историю Харьковского учебного округа его возглавляло 22 попечителя. Колебания правительственной политики, безусловно, сказывались на составе попечителей. Так, если в период начала реформ 60-х годов Харьковский учебный округ впервые возглавил представитель ученого мира – профессор К.К. Фойгт, то в момент введения университетского устава 1884 г. попечителем Харьковского учебного округа был генерал-лейтенант М.С. Максимовский. Однако особенный интерес представляют обобщающие данные. Как уже отмечалось, анализируя биографическую информацию, важно проследить определенные тенденции, заметить отличия, присущие тому или иному периоду. В данном случае выделяются два периода: до и после 1857 г. Первый период характеризуется назначением на должность в

⁶Создана в системе управления базами данных (СУБД) Microsoft (MS) Access 2010. При ее составлении был использован недавно изданный биографический словарь [4].

⁷ В базе данных имеются сведения о месте рождения 93 профессоров.

⁸ Несколько человек работали последовательно в двух из названных университетов.

большинстве своем представителей аристократии, которые не имели систематического образования, но прошли длительную военную или гражданскую службу. Для некоторых из них это была скорее почетная должность на старости лет. Обращает на себя внимание и тот факт, что подавляющее большинство из них до назначения на эту должность не имело отношения к системе министерства образования. Таким образом, уже из этих данных понятно, что их функцией виделся общий надзор за ходом процессов в подопечном округе. Вторая половина XIX – нач. XX вв. значительно отличается в этом плане. Попечители данного периода в большинстве своем имели высшее образование (чаще университетское), а половина из них – звание профессора. Предшествующая служба, как правило, проходила по линии министерства народного просвещения. Общей тенденцией, которая легко прослеживается на основе данных, приводимых С.В. Рождественским[8, с. 482, 605, 705], является понижение класса попечителей по Табели о рангах. Если в первой половине XIX в. и 70-80-х гг. XIX в. большинство попечителей было в ранге тайного советника, то в 80-90-х гг. XIX в. начинается преобладание действительных статских советников, а в начале XX в. среди них встречаются статские, и даже коллежские советники. Девальвация должности составила 3 класса. По рангу попечитель стал на уровень губернской администрации. Таким образом, нельзя не заметить, как постепенно утверждалось направление на профессионализацию системы управления образованием. Попечитель учебного округа во второй половине XIX – начале XX вв. скорее выступал в качестве специалиста, который мог не только осуществить общий надзор, но и разрешить конкретные проблемы разнообразной жизни учебных заведений. Общественное же мнение, а затем и историография, придерживались старого образа попечителя – всесильного и одновременно некомпетентного начальника учебных заведений.

В научной и публицистической литературе роль ректора также получила весьма противоречивые оценки. Прежде всего, отметим, что в дореволюционное время, да и позже, ректор был «заслонен» другим, уже упомянутым, «бюрократом от просвещения» – попечителем. Последний выглядел как «внешнее зло», которое сковывало университет. На таком фоне ректор вполне мог выглядеть как представитель «угнетаемой коллегии», как жертва. Впрочем, в 1920-е – 1930-е годы и попечителей, и ректоров стали объединять, поскольку все управленческие формы «старого режима» однозначно назывались «отсталыми», а то и «враждебными».

Имеющаяся в нашем распоряжении База данных ректоров⁹ позволяет зафиксировать некоторые заслуживающие внимания моменты. В частности, говоря о социальном статусе ректора университета, следует учесть следующее. Во-первых, мы можем говорить о формальных признаках, в частности, о чинах и наградах. К сожалению, такого рода сведения в биографиях ректоров фрагментарны и не позволяют свести их в таблицу. Для осуществления такой задачи следует провести специальное изучение формулярных списков. Однако и имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать интересный вывод. В частности, наблюдается повышение табельного ранга ректора. Если для первой половины XIX в. обычным является чин статского советника, реже действительного статского советника, то во второй половине века немало ректоров имело чин тайного советника, а П.Г. Редкин дослужился до чина действительного тайного советника¹⁰. Также заметно повышение уровня награждения орденами (типичными стали ордена Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст., Св. Владимира 3 ст.). С середины XIX в. в ряде случаев это уже награды первой степени (Св. Станислава 1 ст., Св. Анны 1 ст. и даже Св. Владимира 1 ст.). Таким образом, это уже был ранг высших чиновников. Важно отметить, что этот процесс происходил на фоне понижения статуса попечителя. Этот факт позволяет еще раз вернуться к вопросу о неформальной практике взаимодействия ректора и попечителя. Тезис о полной зависимости ректора от попечителя следует пересмотреть, поскольку для этого, по нашему мнению, есть немало оснований [см.: 6, 7].

К слову, подобные перемены происходили и в составе министров народного просвещения. Первые три министра имели домашнее образование, последующие семь – обучались в привилегированных военных учебных заведениях, затем (с А.В. Головнина) – в гражданских привилегированных учебных заведениях, И.Д. Делянов стал первым министром с университетским образованием (был министром с 1882 по 1897 гг., но еще с 1866 г. товарищем министра). Затем министрами были профессора (Н.П. Боголепов, Г.Э. Зенгер, Л.А. Кассо, Н.К. Кульчицкий) и даже доцент (А.Н. Шварц). Важно отметить, что в составе министров также наблюдается определенная девальвация чина: до конца XIX в. почти все министры имели чин действительного тайного советника, а в начале XX в. только тайного советника и действительного статского советника.

Таким образом, профессионализация выступает как общая тенденция. В частности, во второй половине XIX – начале XX вв. профессоров университетов, в том числе и ректоров, стали назначать попечителями/товарищами попечителей учебных округов (М.М. Алексеенко, А.А. Воскресенский, А.М. Жданов, П.А. Некрасов, А.А. Тихомиров, К.К. Фойгт и др.), а затем и министрами/товарищами министра (Н.П. Боголепов, Н.Х. Бунге, Н.А. Зверев). То есть в системе управления профессиональный опыт стал важным критерием для назначений на ответственную должность.

⁹Создана в системе управления базами данных (СУБД) Microsoft (MS) Access 2010. Включает сведения биографического характера о 99 ректорах пяти университетов Российской империи (Казанского, Киевского, Московского, Петербургского, Харьковского).

¹⁰ Ректор Петербургского университета в 1873–1876 гг., с 1882 г. член Государственного совета.

Полагаем, что работа с базами данных может стать важным направлением при дальнейшем изучении истории университетов Российской империи.

1. Андреев, А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы / А.Ю. Андреев. – М.: Знак, 2009. – 640 с.
2. Багалеи, Д. И. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / Д. И. Багалеи, Н. Ф. Сумцов, В. П. Бузескул. – Х.: Тип. ун-та, 1906. – 329 с.
3. Вишленкова, Е.А. Феномен надления в «историях» Казанского университета / Е. А. Вишленкова // Диалог со временем: Альманах интеллектуал. истории. – М., 2003. – Вып. 10. – С. 230.
4. Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.): Биографический словарь / под общ. ред. А.Ю. Андреева; сост. А.М. Феофанов. – М., 2011. – 207 с.
5. Милоков, П.Н. Очерки истории русской культуры / П. Н. Милоков: В 3 т. – М., 1994. – Т.2., ч.2. – 496 с.
6. Посохов, С.И. Попечители Харьковского учебного округа первой половины XIX века: попытка реабилитации / С. И. Посохов // Universitas-Университеты: наука и просвещение. – 2009. – №4. – С. 40–50.
7. Посохов, С.И. Попечители Харьковского Учебного Округа XIX – начала XX вв.: состав, деятельность, оценки / С. Посохов // Dziejebiurokracji. – Tom 5. – Część 1. – Lublin-Toruń-Wrocław, 2013. – S. 357–367.
8. Рождественский, С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902 / С. В. Рождественский. – СПб.: Гос. тип. МНП, 1902. – 785 с.
9. Сыченкова, Л.А. Лица не общим выраженьем: Новые ракурсы культурной истории провинциального университета / Л. А. Сыченкова // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – 2005. – Вып. 14. – С. 369–372. – Рец. на кн.: Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – 240 с.
10. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А. Ю. Андреева, С.И. Посохова. – М.: РОССПЭН, 2012. – 671 с.
11. Чесноков, В.И. Некоторые актуальные вопросы истории дореволюционных российских университетов / В. И. Чесноков // Российские университеты в XVIII – XX веках. – Воронеж, 2002. – Вып. 6. – С. 141–146.

УДРЕВНЕНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ В «ОПЫТЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ О РОССИИ» И.П. ЕЛАГИНА

М.И. Нисковская (Сыктывкар, Россия)

В XVIII веке античные корни влияли на авторитет государства во внешней политике. Они позволяли не только видеть достижения античности в основе собственной государственности, но и стать равными развитой западноевропейской цивилизации, что особенно характерно для эпохи Просвещения, когда человек «становился гражданином мира, обретал общий язык с лучшими людьми мира»[1, с. 116]. Российская империя этого периода активно перенимала опыт западноевропейских стран, в первую очередь Германии и Франции, в различных областях, искала способы стать им равными. «Восемнадцатое столетие стало временем создания новой "картины мира" в просвещенных слоях русского общества. Важнейшей характеристикой этого процесса была "европеизация" высших социальных слоев, формирование их новой культурной идентичности, что, соответственно, требовало инкорпорации европейского прошлого (а европейская древность была классической античной) в социальные представления»[6, с. 64]. В этот период чужая цивилизация выступала для русской культуры «как своеобразное зеркало и точка отсчета, и основной смысл интереса к "чужому" в России традиционно является методом самопознания»[3, с. 748]. Это оказало влияние на многих русских мыслителей и историков XVIII века, одни включали античные реминисценции в собственные тексты, другие сравнивали достижения античных государств с отечественными, но были и те, кто стремился искусственно совместить античные корни и русское государство. «Любое обращение к прошлому есть попытка создания образа этого прошлого, т.е. некоего идеального отражения мира в сознании человека, и включение этого образа в ткань современной культуры»[8, с. 15].

Одним из авторов исторических текстов, который стремился повысить авторитет русского государства с помощью сближения его истории с западноевропейской и античной был Иван Перфильевич Елагин (1725–1796). Несмотря на то, что Российская империя не могла похвалиться античными корнями, он попытался повлиять на общественное мнение, создавая новую историческую ткань, вовлекая русскую и античную древность. Сам автор был образованным человеком, который хорошо разбирался в истории, в том числе античной, поэтому, скорее всего, изменения касательно фактов в свой труд он вносил сознательно: «... Елагин, пользовавшийся до поступления в Кадетский Корпус уроками домашних учителей, имел полную возможность познакомиться с знаменитыми Греческими и Римскими писателями. Учение Пифагора и Платона, законодательство Солона и Ликурга, произведения Ксенофонта, Плутарха и Эпиктета, Саллюстия, Тита Ливия и Тацита были известны ему не по именам только, как это надобно сказать о многих из нынешних юношей, а в подробностях своего содержания»[5, с. 6]. Споры, связанные с нормандской теорией, вовлечение немецких историков для написания русской истории создавали образ незрелости и зависимости русского государства. И.П. Елагин предпринял попытку удревить русскую историю для того, чтобы не возникало сомнений в интеллектуальном равноправии русского и других государств, особенно западноевропейских.

В своем тексте И.П. Елагин объединяет все древние народы под общим именем «скифы»: «... от разнородных племенных народов, под общим именем Скифов известных, произошли многочисленные народы, на шаре